

А.А. ПЕЛИПЕНКО

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Какие глубинные процессы подспудно определяют, культурно-историческую динамику постсовременности, скрываясь за невообразимой пестротой жизни? (Интересно, какое слово придумают для обозначения той эпохи, что наступит после постсовременности?) В обсуждении этого вопроса надеюсь не поддастся хроноцентризму — не преувеличить значения актуальных процессов. А время сейчас спрессовано так сильно, что краснеть за провинциализм мышления придется очень скоро. Но приходится так или иначе рисковать и по мере сил попытаться обрисовать общий культурно-ментальный ландшафт с неизбежным учетом грядущих перспектив, каковыми они видятся из нынешнего дня.

Фундаментальная наука, не говоря уже о философии, явно не поспевает за наукой прикладной и взрывным развитием технологий. Неизбежным следствием этого станет внезапное осознание неадекватности традиционных моделей мышления новой культурной ситуации и новому состоянию ментальности. Сброс и расчистка будут, как всегда, суровыми и безжалостными. Я имею в виду не наступление царства взбунтовавшихся роботов, как это рисуется некоторыми футурологами. Если уж дать волю фантазии, то более вероятным представляется мир, где узкая элита экспертов-небожителей с помощью новейших биотехнологий, обеспечивающих себе физическое бессмертие, наподобие античных богов управляет и манипулирует сознанием изрядно поредевших «малых сих». И небожители эти, совсем как античные боги, отнюдь не будут свободными от всяких человеческих пороков и слабостей. Без них им будет просто скучно, да и выдохшийся и скомпрометированный тотальным лицемерием моральный абсолют будет забыт надолго, если не навсегда. Развитие нанотехнологий, психотропных средств воздействия и генной инженерии дает более чем достаточный арсенал средств, для того, чтобы головах «малых сих» вновь, как в древности, начали говорить демоны.

Пелипенко Андрей Анатольевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Российского института культурологии (Москва). E-mail: demoped@yandex.ru.

А что будет происходить в головах элиты? Как они будут управлять, из каких ценностей и принципов исходить? И будут ли вообще какие-либо ценности и принципы в релятивно-текущем прагматическом сознании постличности? Впрочем, прагматизм и релятивизм — это тоже принципы.

Предчувствие кризиса и сброса, уплотнения, опрошения, избавления от балласта витает в воздухе. Кого-то это пугает, кто-то радуется в предвкушении возможности выплеснуть наружу естественно присущую человеку агрессивность, кто-то просто смирился с тем, что современный мир, запутавшийся в противоречия между своими чересчур размножившимися дискурсами, не способен разрешить проблемы, им же самим порожденные. Так или иначе, обвала не избежать, и это, похоже, признают все. Тем более важно сопоставить разные эскизы пейзажа перед бурей. Каков же он в контексте представлений об истории смыслообразования?

Генеральной тенденцией современности я считаю закат и гибель логоцентризма как системообразующей макрокультурной парадигмы. Речь идет, повторю, не о полном исчезновении логоцентрический дискурсов и их носителей, а об их вытеснении на периферию будущего культурного и цивилизационного пространства. Эта генеральная тенденция складывается как равнодействующая интегративных и дезинтегративных процессов, каковые противоборствуют, вообще говоря, на протяжении всей социальной истории, и даже задолго до появления человека.

Невооруженным глазом видно, что в сегодняшнем мире универсальные тенденции интеграции и дезинтеграции представлены парадигмами *глобализации и постмодернизма*.

Следует, однако, избегать коварных aberrаций, дабы не уподобиться «просвещенному европейцу» XIX в., для которого понятие человечества совпадало с понятием цивилизованного мира, представленного все той же Европой. И хотя наивный европоцентризм вроде бы давно из научного обихода изгнан, примеров такого рода aberrаций, тем не менее, предостаточно. Да и как им не быть на фоне глобалистского проекта, осуществляемого, прежде всего, США под прикрытием мультикультуралистских деклараций. Не следует также забывать, что глобализация и постмодернизм (в более широком контексте — постмодерн) охватывают меньшую часть человечества, в то время как за пределами ближней цивилизационной периферии, поверхностно затронутой этими процессами, остаются традиционно ориентированные общества, изолированные, по существу, и от того, и от другого. И это вполне естественно: противоположности зримо сталкиваются и взаимодействуют только в зоне фронта развития, точнее, фронт, собственно, и возникает в результате этого взаимодействия. А почва для этих процессов была подготовлена в ходе мо-

дернизации на протяжении всего XX в. Человечества как единого субъекта не существует. Во всяком случае, пока его целостность объектна. И платой за размашистые обобщения и риторические удобства рассуждений оказывается неадекватность понимания *другого*, несостоятельность прогнозов, нереализуемость крупномасштабных социально-политических программ, ориентированных на некий усредненный человеческий стандарт.

Постмодерн и глобализация имеют место прежде всего в ареале евроатлантической цивилизации, а также на ее ближней периферии и в регионах, успешно прошедших модернизацию и удерживающих (а в некоторых областях и задающих) темп социокультурной и технологической динамики. Тенденции эти проникают во все поры и клетки культуры и совокупно определяют, по сути, идейную и духовную атмосферу современности. Так, новые формы культурного творчества, интерактивные и виртуальные, приходящие на смену умершим (или существующим латентно), ориентированы, вроде бы на внутренне свободную и творчески продуктивную личность. Но те же интерактивные и виртуальные технологии весьма хороши для манипулирования сознанием и подсознанием. Прямое обращение к архаическим программам, залегающим в доличной ментальности и легко актуализуемым, манипуляторам открывает почти неограниченные возможности господства — объектом манипуляции к тому же не осознаваемого. Напротив, актуализация этих программ ему дает иллюзию освобождения, актуализации естественных поведенческих сценариев (столь отличных от «противоестественных» программ сложно организованного большого общества) и приобщения к простому и ясному мировому порядку. Как архаик не мог и помыслить, что вовлечение его в ритуал есть насилие над его сознанием, так и его современный наследник — пост-индивид и не думает сопротивляться виртуализации окружающего культурного ландшафта и его кодированию довольно простыми играми-сценариями. Коммуникативное поле творчества в его традиционном новоевропейском понимании сузилось, с одной стороны, до локальных субкультурных (часто полумаргинальных) групп, а то и до виртуального мира в одном отдельном персональном компьютере; с другой же стороны, параллельный мир в виртуальном пространстве вовсю расширяется — подобно тому, как в раннепервобытную эпоху разворачивался мир артефактов, все более вытесняющий природный. Действительно, не надо быть искушенным антропологом, чтобы понять, что личная страничка в Интернете предстает своеобразным магическим двойником (душой, *alter ego*) современного неоязычника в запредельном мире, границы которого проницаемы так же, как и для архаика, стоящего на по-

роге неолитической революции. Экранная революция в контексте формирования ментальности нового типа посредством архаизации логоцентрической ментальности – отдельная тема, и я не имею возможности в нее углубляться. Отмечу лишь одно обстоятельство. Важнейшей смысловой диспозицией логоцентрической системы было онтологическое и функциональное противопоставление двух миров – Должного и сущего, т.е. наличной культурной реальности.

Дискурсы Должного господствовали над атомизированными, разрозненными и понимаемыми как онтологически вторичные фрагментами сущего. Логоцентрический абсолютизм в его «чистом виде» обратную связь исключает. Сущее, с одной стороны, как бы существует, но его существование неполное, онтологически ущербное, какое-то нелегитимно-ненастоящее. Сущее было по преимуществу внедискурсивным, спонтанным, в автомодели культуры оно оставляло едва заметные следы. В новоевропейскую эпоху трансцендентное последовательно имманентизируется, дискурсы Должного разбавляются сущим, так что они постепенно уравниваются в правах. Технологические революции, что неудивительно, в немалой степени этот процесс стимулировали.

Но решающий шаг сделан на наших глазах. Только с изобретением Интернета, сущее обрело полноценную онтологию. Все, что по нормам Должного как бы не существовало, теперь становится наглядно зримым фактом культуры и обретает собственную дискурсивность. Окончательное выравнивание позиций – не более чем вопрос времени: как скоро сознание полностью освободится от внушений Должного. Так упраздняется одна из ключевых оппозиций, которая напряжением между ее полюсами «заряжала» множество процессов и тем самым обеспечивала динамику логоцентрической системе. Для синергетика это нагляднейший пример энтропии в социальной сфере.

Глобализация и постмодерн всякий раз совокупно образуют специфический культурный расклад – относительно устойчивый и со своими ценностными диспозициями. А динамика его изменения определяется тем, какая из тенденций тактически преобладает.

Глобализацию как историко-культурное явление неверно было бы считать спецификой исключительно современной эпохи. Стремление к неограниченному росту, экспансии и ассимиляции инокультурного материала свойственно всякой культурной системе, от древневосточных деспотий и ордена тамплиеров до существовавших в недавнем прошлом. Разве Советский Союз не пытался осуществить глобализаторский проект в рамках идеологии мировой революции, а затем «программы-минимум» – мировой системы социализма?

Какие же черты современной глобализации наследуются от исторического прошлого, и в чем состоит их инновационная специфика? До пошлости традиционно стремление к языковой, экономической, нормативно-ценностной, политической и др. *унификации* разных культурно-исторических форм на основе некоей базовой модели. Тенденция эта в истории реализуется всегда одинаково: на тактическом уровне она создает удобства для управленческих процессов и манипуляций. А на стратегическом приводит к гибельной *гомогенизации культурного пространства*, т.е. истощению внутренней разнородности (разности потенциалов) и, как следствие, к угасанию, распаду и смерти культуры¹. Кроме того, для этноса метрополии – автора базовой культурно-цивилизационной модели, этого «общего знаменателя» глобализации гегемония всегда оказывается в ущерб его национальной культуре.

Так было всегда – и у древних персов, и у византийцев, и в СССР. И ничего удивительного, что в такой же ситуации оказываются современные США. С прежними глобализационными процессами у современного общее и то, что он не имеет *имманентной конечной цели*. Стало быть, рубежи глобализации могут быть поставлены только *извне*. Можно по этому поводу философически порассуждать в духе Ю. Хабермаса о незавершенности и открытости европейского культурного проекта, его пролонгированном «самододельвании». Разумеется, никому не хочется лицезреть свой финал. Тем более сознанию с неизмеримо развившейся субъектностью, коему проблема финала впервые предстает во всем ее драматизме. Так или иначе, очевидно, что любые сценарии самододельвания для евро-атлантического сознания обернутся как минимум утратой его теперешнего системного качества.

Отмечу и то, что все прежние глобальные проекты осуществлялись *в эпоху идеалов* и потому были *идеократическими*. Главным средством реализации такого проекта было прямое военно-политическое насилие, а его «земной инстанцией» – идеократическая империя. Дуалистическая революция, с ее гипостазированием Должного и его идеологических дискурсов, к тому же радикально увеличила масштаб глобалистских проектов и создала самую возможность возникновения теократических империй с их вселенскими притязаниями.

Теперь же, когда эпоха *идеалов* сменилась эпохой *интересов*, прямое военно-политическое насилие оказывается средством неадекватным. Ему на смену пришел *неолиберальный* проект глобализации. О том, что это

¹ Об опасности социокультурной унификации – «тепловой смерти общества» еще в 30-х годах прошлого века писал Л. Винарски.

такое, написано уже достаточно много, и пересказывать это нет необходимости. Мне важно отметить только то, что для неолиберализма глобальный проект – это, если угодно, предсмертный рывок, после которого он покидает арену истории, а плоды глобализации используются (или не используются) уже в совсем ином историческом контексте.

Одно особенное обстоятельство равно сказывается и на глобализации, и на дезинтегративных процессах. Темп и плотность смыслообразовательных процессов достигли такой критической величины, при которой общекультурный контекст меняется уже не количественно, а качественно. Речь идет о соотношении двух темпоральных факторов: длительности генезиса индивидуального сознания, ограниченной естественной продолжительностью жизни, и темпов экспликации, дуализации и структурного позиционирования экзистенциально значимых смысловых блоков. Накладываясь одна на другую, смысловые инновации не успевают закрепиться – ни в традиции, ни в ментальности. Отсюда кризис инноваций, дезонтологизация предмета, «расчеловечивание» человека, всепоглощающий релятивизм, вялость, фатализм и безразличие. Пока главные ценности находились в некоем надмирном трансцендентном центре, т.е. за пределами отдельной единичной жизни, можно было, манипулируя обращением к этим ценностям, мотивировать человека на различного рода жертвы ради приобщения к этим ценностям. Но как в эпоху плюрализма ценностей и неизмеримо возросшей самости подчинить единичное (индивидуальное) всеобщему (историческому)?

Как объяснить современному неотрадиционалисту, что традиционализм ведет в исторический тупик. Современный традиционалист уже достаточно эгоистичен, чтобы игнорировать (на) несоизмеримый с его человеческим измерением исторический план. Зачем что-то менять, куда-то стремиться, чего-то добиваться, когда мне и так комфортно. Да, это неэффективно, да, в перспективе тупик, да, упускаются возможности развития. Но мне и так хорошо. Я так привык. И если и моим детям хватит, то и подавно. Возразить на это трудно. Неолиберальный прогрессизм сталкивается с эгоизмом, который сам же вскормил. Нет таких целей и нет таких ценностей, которые бы стояли выше моих собственных. Маленьких – но моих! Это еще одно следствие смерти метафизики и выхолащивания трансцендентного полюса культуры.

В прежние времена все это однозначно свидетельствовало бы о смертельном кризисе культурной системы. Теперь же есть основания полагать, что меняются самые основы сознания. Взаимопогашение смыслов, склонных к оппозиции, но не успевших таковую образовать и тем создать продуктивную «разность потенциалов», приводит к своего рода не-

осинкретизму. Как и в древности, когда темп изменений был несоизмерим с длительностью человеческой жизни, четко позиционированный дуализм вновь уходит в тень (точнее, еще из нее не выходит). Но теперь это вызвано тем, что сознание не успевает адаптироваться к почти неразрывному потоку инноваций и стабилизировать свои партиципационные отношения. Дуализм, конечно же, никуда не исчезает, но «сползает» на микроуровень. Вместо глобализованных смысловых оппозиций — броуновское движение неустойчивых дихотомических структур в частных и локальных подсистемах. В таких условиях перманентной переоценки ценностей никакой уже глобальной оппозиитарности возникнуть не может. Смыслообразовательная продуктивность макрокультурных противоречий сплющена и раздавлена катком взаимопогашения — таково причудливое единство глобализации и постмодерна (здесь и далее о последнем речь идет по преимуществу как о феномене сознания).

Поскольку именно постмодернистскому мироощущению свойственна не просто переходность, а *переходность, возведенная в принцип* (я имею в виду релятивизацию статичных ментальных установок), по структуре такого рода сознания можно судить о некоторых аспектах перехода к сознанию постлогоцентристскому.

Среди тезисов постмодернизма едва ли не самый эффектный — о смерти всякой метафизики. Именно от него имеет смысл отталкиваться, рассматривая постмодернизм (и, шире, постмодерн) как исторический феномен сознания.

Историю сознания можно представить как перманентное движение *фронта рефлексии*, расщепляющей синкретические блоки первоначального материала и тем самым расширяющей пространство артефактов Евро-атлантическое сознание, бывшее всегда в авангарде этого процесса, теперь оказалось в уникальной ситуации. Впереди, т.е. по фронту рефлексии и дальше, не осталось почти ничего, т.е. ничего первозданного и неопосредованного. И вот движение рефлексии *обратилось вспять* — к «исторически сложившимся» артефактам, формам, знакам, пресловутым «следам» и пр. Причем, вместо упорядоченной системы разложенных по полочкам форм и значений обнаружился хаотический конгломерат — *новый синкретизм*: уже не природный и даже не природно-культурный, а всецело культурный, где нерасчлененность — эффект стереометрического многообразия «горизонтальных» (внеиерархических) смысловых связей между элементами культурных феноменов, воспринимаемых прежде всего *текстологически*. Отсюда «музейное» отношение ко всему предшествующему опыту культуры и, что несколько не удивительно, неприятие и критика ключевого для европейского рационализма принципа бинар-

ных оппозиций. Справедливости ради стоит заметить, что признаки изживания логоцентризма прослеживаются и там, где постмодернизм о себе не заявляет. И все же он показателен как наиболее адекватная концептуализация этого процесса.

Итак, изживание логоцентрической культурной парадигмы, с ее монотеизмом, презумпцией Должного, отчуждающим аналитизмом и всем спектром мироустроительных установок — от теократии (антропологический минимализм) до либеральной демократии (антропологический максимализм), — таков глобальный и фундаментальный процесс нашей переходной эпохи. И постмодернизм выступает не инициатором этого процесса, а вернейшим индикатором оногo.

Изнутри всякой новой парадигмы плохо видится то, что совокупный культурный ландшафт определяется не тотальным господством инновационного мировоззрения, а контекстом его взаимодействия с другими культурными парадигмами. Никуда не исчезнувшими, вопреки самовнушениям новаторов. Парадигмами вчерашними и позавчерашними, но, тем не менее, реально существующими. Сознанию, увлеченному новой системой идей, тесными стали прежние модели мироощущения, оно стремится вычеркнуть их из реальности и убедить себя, что это ему удастся. Но прошлое почему-то не исчезает, а всегда образует с настоящим сложную амальгаму восходящих и нисходящих тенденций и процессов. Как раз благодаря этому мир еще не рухнул под ритмичным натиском интеллигентского иррационализма и эсхатологической паники, не ослабевавшими на протяжении всего XX в.

Потому, думается, полный крах рационально-иерархического принципа вопреки постмодернистским декларациям миру никак не грозит. Оттого, что определенная группа людей в некоторых сферах своего мышления и деятельности (не более!) вышла на горизонтально-сотовые доминанты смыслообразования и, на них заиклившись, перестала замечать иерархические основы как всеобщего, так и своего собственного бытия (взять хотя бы рутинный социально бытовой аспект), последние от этого не перестали существовать вовсе².

Что же до самого распада иерархических структур в определенных локусах культуры, безусловно, объективного и закономерного, то ему виной, полагаю, достижение европейским (в широком смысле) сознанием последнего фазиса *адаптации к пограничному состоянию*, каковое

² Априорность установки на иерархическое восприятие всякого внешнего объекта, т.е. выделение в нем более и менее значимых элементов подтверждена экспериментально в работах психологов-когнитивистов Макнамары, Хербла и др.

еще сравнительно недавно (в начале века) мучительно переживалось. Бесконечное чередование партиципации к дискретным и единичным значениям с последующим болезненным отчуждением, приводящим, в конечном счете, к очередному крушению ценностей и похоронам бога, в европейском сознании (впрочем, только в его постмодернистской «части») сменилось партиципацией *не к значению как таковому, а к самому перманентному движению между смыслами*. Партиципационная парадигма сознания *я-значение*, сменилась, как уже отмечалось, парадигмой *я-медиатор*. Дрейфуя, путешествуя по смысловым структурам и, шире, культурным системам, сознание таким образом страхует себя от отчуждения. Экзистенциально-психический поток индивидуального сознания оказывается органичной формой бесконечно-текучей медиации; ничто отдельное оно не принимает за безусловную ценность и ни к чему экзистенциально не природняется. Текущее *я* в «текущем» пространстве культуры не знает тягости и трагедии отчуждения и выброшенности в мир. В самом деле, *если убежать из культуры нельзя, остается сосредоточиться на самом процессе бега*. К тому же бег по горизонтали интереснее, ибо он, в отличие от вертикального (трансцендирующего), *бесконечен*. Можно сказать, что по вертикали сознание достигло условного потолка и затем стало по нему стелиться, рисуя всевозможные фигуры на его поверхности. В этом принципиальное отличие современной ситуации от всех предшествующих «революционных сломов», когда на смену одним иерархическим системам приходили другие, в иной семантике воспроизводя все те же исходные архетипальные структуры. Не следует, однако, забывать, что условие, необходимое для осуществления этой горизонтально-текучей *я-медиации*, — та самая предельная измельченность и атомизованность культурного материала, каковые всегда дают о себе знать в закатные эпохи. Только в этом новообразованном культурном синкрезисе с его «однородной плотностью», где ни на что не наталкивающееся сознание может себе позволить ничего не принимать всерьез, возможно столь легкое медиационное плавание и маневрирование. Такое состояние по определению не может длиться не только вечно, но даже и относительно долго. Ну, вот я и подошел к прогнозам.

Занятие это, всегда трудное и неблагодарное, начинается с отслеживания тенденций. Одна из таких тенденций, можно считать, универсальная: это разветвление изначально единой доктрины на версии, так сказать, эзо- и экзотерическую. В отношении постмодернизма это разветвление уже давно обозначилось со всей определенностью. В эзотерический круг (то, что выше названо первым эшелонем) входят высоколобые мыслители, знающие цену словам, идеям и мнениям. И, конечно же, меру

условности любых постулатов и утверждений, в том числе и собственных. Сказать, что многочисленные неофиты и рыцари постмодернизма из круга экзотерического сомнения отягощены в гораздо меньшей степени, будет слишком мягко. Этот круг, все более расширяющийся, как это всегда и бывает, становится, помимо всего прочего, прибежищем снобов, тщеславных бездельников, умственных лентяев и просто образованных, но поверхностных людей, нуждающихся в идеологическом обосновании своей жизненной позиции. Разумеется, никакой вины постмодернизма как такового в том нет. Проблема ответственности (или не-ответственности) отцов-основателей за тех, кто идет за ними следом, стара как мир.

Механизм делания из персон первого эшелона культовых фигур и приспособление их теорий под то, что надобно в данный исторический момент тому или иному субкультурному слою, всегда действовал и продолжает действовать безотказно. Что именно *практически* сделает культура из исходного корпуса постмодернистской теории, покажет ближайшее будущее. Пока что повсюду, от искусства и эстетики до социологии и экономики, взята на вооружение формула «все годится». Соответственно этой формуле перелагаются «как попроще» тонкие и взвешенные высказывания «высоколобых» отцов-основателей — Барта, Фуко, Деррида, Делеза и других, так что имена эти начертаны на знаменах всех современных релятивистов, как теоретических, так и практических. Не берусь определить, как далеко разрыв между «эшелонами» зайдет на этот раз. Определенно же могу сказать, что сегодня каждый из крупных теоретиков постмодернизма (в широком понимании) имеет своего двойника — одноименную культовую фигуру экзотерического круга, которая живет безотносительно к «подлиннику». Такое, впрочем, происходило всегда. Достаточно вспомнить «культовых двойников» Гегеля, Маркса, Ницше и многих, многих других. А если теоретик занимался еще и политикой... Но нет, не будем о грустном!

Если говорить о тенденциях, связанных с короткими временными конъюнктурами, т.е. о тех, что могут быть отслежены в наблюдениях за текущими процессами, то следует отметить неизменное смягчение радикализма, свойственное всем без исключения инновационным культурным программам. У того же Р. Барта метод деконструкции эволюционировал от довольно жесткой установки «текстового анализа» до представления о тексте как о способности языка порождать смыслы. Да и в целом постмодернизм, во всяком случае, его художественная версия, неуклонно движется от ригористически непримиримых установок к более мягкому диалогу. Признано, к примеру, существование отдельных остров-

ков детерминизма среди океана иррациональной неопределенности и бессознательной спонтанности. Уже прогресс³! Важно, что на постмодернизм распространяется закономерность, в силу которой неизменно происходит смягчение доктринального противостояния инновационной и традиционной парадигм.

То же самое происходило с художественным авангардом на протяжении всего XX в. Бунтарь Малевич закончил почти натуралистической портретикой, Машков и Кончаловский стали писать музейные натюрморты, Брак в поздних работах пришел к изысканному «бархатному» колориту классической живописи, Энди Уорхолл незадолго до смерти стал писать с натуры виды Везувия, и так далее.

Сегодня постмодернизм, внедряясь во все поры культуры, все более в ней растворяется, вследствие чего и сходит на нет острота доктринального противостояния. И хотя на сегодня у постмодернизма отсутствует сомасштабная альтернатива, можно говорить об отчетливых контртенденциях. По крайней мере последние пять лет заметна усталость от произвола, бескачественности, эклектики; приелись фигуры постмодернистского инструментария вроде двойного кодирования, палимпсеста, различного рода цитирования, декомпозиции, бриколажа и др. К тому же очевидным стало противоречие между плюралистическими декларациями и жестким навязыванием постмодернистского кода в гносеологии и эпистемологии, непереносимым снобизмом и диктаторским конституированием той самой «законодательной истины», решительным неприятием коей как раз и славен постмодернизм.

Сегодня ряд авторитетных авторов (например, Х. Блум) уже не стесняется выступать за возврат к традиционному бинарному коду, к целостным онтологическим и эпистемологическим конструкциям, центризму, «реанимации» автора, «похороненного» было Р. Бартом, к установлению границ контекстуализации текста и т.п. Разумеется, никому в истории еще не удалось ничего возродить или вернуть в прежнем виде. Но не будет ничего удивительного, если на смену эпохе постмодерна придет эпоха *неоклассики*.

Если же взглянуть на макропроцессы, в долговременные исторические конъюнктуры, то и тогда представляется возможным выделить некоторые тенденции. Но прежде следует уточнить, что на этом уровне анализа речь пойдет не о постмодернизме в его узко историческом понимании, а о сквозных и подспудных процессах, которые сами по себе шире и

³ Воздержусь от критики трогательного в своей нелепости допущения частичной рациональности мира. Это что-то вроде легкой беременности или небольшой лоботомии.

масштабнее сколь угодно широко понимаемого постмодерна. Точнее сказать, постмодернизм выступает одним из планов выражения этих процессов — явлением, сущность которого уходит корнями в далеко в историю.

Постмодернистское отрицание логоцентризма — это не просто заурядная борьба мировоззренческих установок внутри некоей макропарадигмы, как это неоднократно бывало раньше. Происходит смена самой макропарадигмы. Именно постмодернизму выпала историческая роль могильщика логоцентризма — макропарадигмы, родившейся в античности, утвердившейся с победой монотеизма и на протяжении ново-европейской истории пережившей бурную историю кризисов и взрывного развития.

Не случайно расцвет постмодернизма в его узко историческом понимании совпал с началом экранной революции. События эти взаимосвязаны и равно свидетельствуют об исчерпании логоцентрической парадигмы и о рождении нового качества сознания. И это новое качество действительно принципиально отличается от всего, что было прежде. Доктринальный постмодернизм в своей имманентной эволюции со временем свернется, скорее всего, до локальной субкультуры. Но дух постмодернизма еще более захватит современное сознание, станет от него неотделимым. И как господин Журден не знал, что говорит прозой, интеллектуалы ближайшего будущего (не говоря уже обо всех остальных) не будут в полной мере отдавать себе отчет в том, чем они обязаны постмодернизму.

Период экспансии постмодернизма, очевидно, прошел, и теперь его будут неуклонно вытеснять с «незаконно оккупированных территорий» — прежде всего из философии и науки. Законными же его владениями останутся, скорее всего, сферы художественного творчества и смежные с ним подсистемы культуры. Но что касается постмодерна как явления более широкого и глобального, то его значение в будущем представляется гораздо более масштабным. Он станет (собственно, уже становится) одной из главных несущих конструкций постлогоцентрического сознания, и перед ним — в этом его качестве — раскрываются широкие перспективы.

Если внутри постсовременного сознания доктринальный дуализм спрятался, перейдя на клеточный уровень и тем самым смикшировав остроту всех противоречий, то в общемировом масштабе на наших глазах оформляется глобальное противостояние, которое в широком смысле может быть охарактеризовано как эволюционное соперничество логоцентрической и альтернативной ей парадигм. Этот глубинный процесс опосредован множеством тенденций в политике, экономике, идеологии

и пр. На сегодня субъекты культуры в отношении ментального склада различаются, напомним, по трем типам: индивид, паллиат и личность. Мозаика доминантно-компонентных отношений порождает богатейший набор вариантов, обуславливающих в каждом обществе особый расклад. В отношении указанного противостояния все эти факторы весьма значимы. В каждом из двух лагерей между различными ментально-культурными типами стихийно складываются союзы. Они осознаются, как и прежде, не в их глубинных основаниях, а на языке традиционных социальных дискурсов и в соответствии с привычными формами социокультурной идентификации, бессознательно заполняемыми новым содержанием. Против общего врага вчерашние объединяются с позавчерашними (как, например, классицисты подружились с романтиками, дабы противостоять атакующему авангарду).

Паллиат — главный носитель логоцентрического сознания — сегодня «подгребают под себя» индивида, уже давно приученного и адаптированного к паллиатским ценностям и нормам. Однако молодое поколение наследников архаического индивида под действием экранной революции, напрямую провоцирующей актуализацию архаических программ, явно становятся в ряды антилогоцентриков. Во всяком случае, их безразличие к базовым ценностям паллиатской цивилизации, неолокализм, свобода от дискурсов Должного более чем очевидна уже и теперь. (Речь идет, повторю, о мотивациях глубинных и неосознанных — культура по-прежнему умеет ловко скрывать свои подлинные намерения).

Что касается личности, то ее положение по-своему особенно драматично, ибо межа проходит внутри личностного сознания, а высокий уровень рефлексии не позволяет осуществить выбор легко и безболезненно. По сути, уже сейчас глубоко рефлектирующей личности предстоит недвусмысленно выбрать — в какой парадигме осуществлять самоактуализацию: в традиционной логоцентрической или в новой, Постлогоцентрической. Постмодернизм, обживший зону перехода, склонен ко второй. На наших глазах постмодерн по принципу воронки «эманирует» вниз, становясь стихийной идеологией широких слоев, а в чем-то даже и толпы.

Постнеклассическое мышление делает следующий шаг в сторону от традиционного логоцентризма, но оно пока еще локализовано в относительно узкой сфере специализированного знания и слабо представлено в основных социокультурных сферах. Судя по всему, контекст и формы столкновения парадигм будет определяться именно раскладом сил в мире личности. Кстати сказать, именно это и будет тем самым пресловутым «цивилизационным конфликтом», о котором так много последнее время говорят, особенно в контексте обсуждения идей С. Хантингтона. Между

прочим, сама специфика цивилизационных конфликтов, сущностное их отличие от традиционных: конфессиональных, этнических и социальных, артикулирована у этого автора весьма невнятно. Как раз неолиберальная цивилизация личности сейчас переживает внутренний кризис, связанный с трансформацией ее системного качества, тогда как предшествующие давно свое имманентное развитие завершили и *внутренних* противоречий не испытывают.

О характере грядущего кризиса можно судить, исходя из того, что сейчас в каждом обществе и во всем человеческом мире исторический субъект каждого из трех типов живет в своем историческом времени, в своей системе приоритетов и ценностей и реализует свои культурные программы. Эти три типа — *индивид, паллиат и личность*. Индивид — наследник архаического и древнего человека с его родоцентрической и мифо-ритуальной картиной мира. Паллиат — человек «манихейского» типа ментальности, соответствующий зрелой стадии логоцентризма. Личность — предельно самодостаточный и самоактивный субъект, создавший свою цивилизацию в эпоху Ренессанса и Реформации в Европе⁴.

Цивилизационная парадигма всегда включает в себя *специфическую модель времени*. Индивид, паллиат и личность, живущие не только локализованно, но и прежде всего дисперсно, пребывают в трех разных временных модальностях и держатся соответствующих им ценностных и социально-поведенческих установок. Для индивида исторического времени не существует. Его бытие спонтанно санкционировано естественными циклами родовой жизни и выключено из «большого мира». И ничто, происходящее в том мире, не в силах поколебать или размывать этот синкретический космос, построенный вокруг родовых ценностей. Вот откуда гумилевская «обскурантность». Это не столько фазис имманентной эволюции этноса, сколько перманентное состояние субъекта определенного типа — родового индивида и его современных наследников. Паллиат живет в вечно дрящемся средневековье с его эсхатологизмом, ригоризмом, нетерпимостью, призмупированием трансцендентного Должного и зудом борьбы с Мировым Злом.

В соответствии с дуалистической/монотеистической эсхатологией тут господствует модель времени-вектора. Отсюда и поведение, и структура ценностей. А развившаяся в лоне евро-атлантической цивилизации личность жила, по крайней мере, до недавнего времени, по темпоральной модели либерального прогрессизма, соответствующие ей ценности вменяя всем остальным. Отсюда *асинхрония цивилизационных процессов*.

⁴ Об этом см.: Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998.

Между тремя указанными типами никакой консенсус насчет базовых ценностей в принципе невозможен. Так что любые декларации о каких-то общечеловеческих ценностях — чистой воды фикция. Поэтому нормы и ценности неолиберальной цивилизации, полагаемые ею в качестве общечеловеческих и навязываемые всем остальным в форме писаных или неписаных законов в первую очередь будут отправлены на свалку истории. И вряд ли неолиберализм — финальная стадия логоцентрически ориентированной личности — согласится сделать это по-хорошему. Пока в ходу лишь словесная инквизиция «политкорректности». Но случись нужда — и для защиты идеалов гуманизма и свободы пойдут в дело и танки, и ракеты.

Периодическое обострение социальных конфликтов мне представляется следствием, точнее, индикатором кризиса самоидентификации, каковой временами испытывает субъект цивилизационной периферии — родовой индивид или паллиат. Когда бунтует исторический наследник родового индивида? Когда в результате эклектической рецепции и наслоения фрагментированных культурно-смысловых и ценностных систем на организующее синкретическое ядро родового космоса картина получается сложная настолько, что в перегруженной ментальности создается образ хаоса. Тогда индивид дестабилизируется и начинает бунтовать. Весь смысл этого как будто бессмысленного бунта сводится к тому, что картину мира следует упростить посредством устранения особо раздражающих лоскутов. Иначе говоря, тех элементов культурной реальности, что оказываются непроницаемыми для прагматической связи и, стало быть, в синкретический универсум индивида никак не входят.

Когда бунтует паллиат? Когда мир сущего размывает и захлестывает мир Должного, и великий хилиастический проект терпит очевидный крах. Тогда происходят бурные инверсии, сопровождаемые, как правило, огромными выплесками деструктивной энергии, усилением мироотрицающих и ниспровергательских настроений, мучительными поисками идеологических альтернатив. В таких ситуациях стихийные манихеи сбрасывают маски и «забывают» о всяких идеологических различиях, из-за которых еще недавно они бы перегрызли друг другу глотки. Под общий знаменатель дуалистического фундаментализма подводится все, и бывшие коммунисты братаются с фашистами, православные с мусульманами, атеисты с клерикалами и т.д.

Кризис отчаянно усугубляется неспособностью цивилизации личности строить *адекватный и конструктивный диалог* с историческими субъектами иных типов. И колониальная экспансия в эпоху торжествующего европоцентризма, и современный неолиберальный релятивизм,

провоцирующий разрушение европейской цивилизации под натиском «новых варваров» (выдавливание белой расы не только из бывших колоний, но уже из их собственных ареалов, — демографический факт) — все это, при всех кажущихся отличиях, разговор на языке ренессансно-просвещенческой гуманистической антропологии с ее мифологией равенства и установкой на способность всех и вся подняться и «доразвиться» до «нормальных» и «правильных» либеральных ценностей. Хотя вся эта система ценностей с гуманистической антропологией в основе давно обнаружила свою несостоятельность и вопиющую неадекватность реальности.

Что поделаешь! Что бы там ни говорил рефлектирующий разум, а европоцентристская программа уже осела в подсознании и работает в произвольном режиме. В постмодернистский релятивизм, в «великодушное» уравнивание культур, за которыми просматривается все та же, хотя и завуалированная, идея цивилизационного превосходства, западное сознание как страус в песок прячется от необходимости пересмотреть основы. Проблему решит не тот, кто найдет язык для убеждения другого в оптимальности своей картины мира и превосходстве своих ценностей, а тот, кто научится и осмелится говорить с каждым *другим* на *его собственном языке*. Не стоит забывать, что конфликт — тоже форма диалога. Иногда — единственно адекватная. На этом пути реальная политика явно опережает философию.

Неолиберальная цивилизация не готова даже признать ту очевидную истину, что мир как целое *никогда не будет жить по ее законам*.

Замирение индивидо-паллиатской общности во многом пока осуществляется посредством массовой культуры, значение которой особенно возросло во второй половине XX в. Душе индивида и паллиата массовая культура дает тот миф, какого они взыскуют, тем самым отчасти преодолевает пропасть экзистенциального отчуждения и канализирует энергию социального недовольства. Современная неомифология заслуживает отдельного разговора. Тут же только отмечу, что традиционные способы создания параллельной реальности едва срабатывают. Кумиры мельчают, гаснет интерес к спортивным ристалищам, китчевая продукция в различных сферах квази-искусств потребляется больше из привычки, чем из потребности.

Цели воздействия на сознания становятся все более явными, и время от времени происходят досадные сбои⁵. Разумеется, экранная революция и связанные с ней технологии открывают такие возможности ма-

⁵ Не забуду кадры хроники: талибы самозабвенно разбирают конфискованные у жителей Кабула телевизоры и топчут магнитофонные кассеты.

нипулирования сознанием, с какими современный масскульт будет соотноситься как велосипед со скоростным лайнером. Но смогут ли неолибералы-логоцентрики удержать в руках пульт управления? Нет, не смогут! Потому как на новом технологическом уровне господства и манипулирования дело они будут иметь не с прежним жаждущим наркотика субъектом, а с носителем сознания принципиально нового типа – а уж он-то новые технологии будет использовать в собственных интересах.

Сознанию нового типа подходит, кажется, такое понятие, как **НОВАЯ ЕСТЕСТВЕННОСТЬ**.

Первоначального единства с природой, от которого цивилизации неуклонно и целенаправленно удалялась на протяжении всей своей истории, достичь, вопреки романтическим грезам некоторых философов и экологов, никогда не удастся. Палеосинкретизм распался необратимо – что ушло, то ушло. Но, оставив за спиной Дуалистическую революцию и порожденный ею логоцентризм, можно попытаться достичь новой естественности, снимающей в себе весь опыт исторического бытия культуры. Достигшее ее сознание любую среди осевших в подсознание программ выбирает окказионально, в согласии с заново раскрепощенной интуицией. Причем, интуицией не архаической, не полуживотной, а уже преимущественно культурной. Разумеется, природно-атавистические основания интуиции никуда не исчезают. Более того, прямая и непосредственная, биоэнергетическая связь и природа проводящей ее «субстанции» вопреки логоцентристским табуациям будут, наконец, адекватно осмыслены. Уже сами прорывы дискурсов на эту тему в науку и философию свидетельствуют об ослаблении господства логоцентрических принципов, не терпящих никаких альтернативных моделей мира.

Принцип *новой естественности* включает в себя, помимо всего прочего, *невмешательство в имманентную диалектику иного*, что практически означает: не мешать умирать нежизнеспособному. К примеру, международные конфликты следует не гасить, а локализовать. Покуда манихеи-паллиаты не навоюются, примирить их невозможно. Пример – Ближний Восток. С варваром следует говорить по-варварски, т.е. на единственно понятном ему языке. Следует признать неизбежность, подчас даже необходимость вооруженных конфликтов и социального насилия как вполне естественного способа разрешить противоречия между субъектами определенного типа – даже если ради этого придется пожертвовать такими священными коровами, как «Всеобщая декларация прав человека» и представлением о войне как о преступлении. В реальной политике понимание этого вроде бы, повторю, уже есть. Но в отсутствие адекватной идеологии оно высказывается как-то анекдотически стыдливо, под

лукавым прикрытием двойных и тройных стандартов.

Человек всегда был существом антиэкологическим. Разлад его со своим экосом Дуалистическая революция и ее последствия довели до критического уровня. «Гуманистическая» установка на любовь к ближнему и продление жизни нежизнеспособному с неизбежностью приводит к вырождению – природе не обманешь!

«Говоря сугубо биологическим языком, чересчур благоприятные для каждой особи условия жизни снижают жизнеспособность популяции. ...Гарантированное выживание почти всех родившихся детей ведет к накоплению генетического груза, которое, по мнению некоторых ученых, носит экспоненциальный характер»⁶. В результате «...каждое следующее поколение людей рождается биологически менее жизнеспособным, а потому более зависимым от искусственной Среды»⁷.

Либеральный гуманизм презумпировал самооценку и самодостаточность каждой отдельной личности. Задайся подобной презумпцией природа, экологический баланс вмиг пошел бы вразнос, ибо каждый вид ничем не был бы сдержан в своем экстенсивном размножении. Да и все клетки просто превратились бы в раковые. Именно к такому развитию событий толкает мир либеральная цивилизация, перенося на иные культурные субъекты свои нормы, ценности и стандарты и открывая им путь к ресурсам и технологиям, органически не свойственным их собственным цивилизационным парадигмам. И совершенно неважно, с какой целью – во имя принципов гуманизма или ради собственной выгоды. Пока что, однако, до сознания не доходят даже простые истины вроде тех, что нельзя навязывать архаику формы современной парламентской демократии или в ультимативном порядке требовать отмены смертной казни в стране, где цена человеческой жизни сопоставима с ценой престола. А ведь развитие ситуации заставит, и очень скоро, пойти гораздо дальше. Дай бог, если обновленный социал-дарвинизм окажется в XXI в. идеологией самой жесткой.

За кризисом либеральной (и неолиберальной) антропологии просматривается кризис всей логоцентрической традиции. И это мобилизует неолиберализм на сопротивление внутренним трансформациям. Впрочем, всякая культурная система проявляет досадный животный эгоизм и полнейшую «бездуховность», когда дело доходит до вопросов выживания. Локальной культурной системе нет дела до стратегических судеб всего

⁶ Бочков Н.П. Генетика человека. Наследственность и патология. М., 1978. С. 73.

⁷ Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2001. С. 36.

человечества. Ее интересует только собственное выживание. И цивилизация личности — не исключение. То, что неолиберализм представляет как святые принципы, на самом деле суть только исторические условия выживания системы. Само же внутреннее несоответствие этим принципам, как всегда, не замечается или игнорируется. Как неистовые паллиаты в свое время проливали моря крови во имя торжества христовых заповедей или миллионам людей устраивали ад на земле во имя грядущего рая, так и личность неолиберальной цивилизации не желает видеть, что золотой век представительной демократии уже на исходе и она все более явственно сменяется идеократией. Сама личность как ментально культурный тип в своей творческой активности неуклонно мельчает, а США — авангард цивилизации личности — превращается в империю нового типа.

Если слово «империя» понимать вульгарно и расширительно, то его применимость к США до банальности очевидна. Она под вопросом, если так называть не всякое государство, успешно ведущее экспансионистскую политику, а такое, что во всемирном (по понятиям эпохи) масштабе реализует теократического проект. Такого рода имперскость отчасти была свойственна американской ментальности. Вплоть до вьетнамской войны она подпитывалась мировым противостоянием систем. После же этой войны традиционная имперская ментальность, если не умерла то, во всяком случае, минимизировалась. Апогей неолиберальной системы пришелся на период от конца вьетнамской войны до падения СССР и снятия этого противостояния. Далее же начался процесс, в чем-то подобный переходу от золотого века афинской демократии к эллинистическим монархиям и затем к Римской империи.

Признаться, не люблю исторических аналогий. Но эта, думается, все же заслуживает некоторого развития. Греческая полисная демократия в ее классическом афинском варианте не выдержала укрупнения социального организма и «растягивания» его внутренних связей. И произошел откат к традиционным властным отношениям, хотя и дополненным некоторыми демократическими традициями. Императорский Рим, будучи уже не просто полисом, а мегаполисом, чья сакральная космогония распространялась на всю охватываемую умом вселенную в парадигме перманентного расширения, мог сочетать республиканские демократические институты с деспотическим самовластием монарха. Но вот всегдашний диалектический парадокс: сохранение чего-либо в критически меняющихся условиях требует его опосредования чем-то ему противоположным. В условиях укрупнения масштабов социальных взаимодействий сохранение всего того, что связано с античной демократией, было

возможно лишь в контексте строительства идеократической империи. У греков, начиная с Александра Македонского, с идеократией не заладилось. А вот у римлян получилось. Почему — отдельный вопрос. Греки при всем масштабе колонизации так и не выработали надежных и эффективных способов передачи варварам своего культурного опыта. Эллинизация либо откалывала эллинизированный слой от остального социума, либо сравнительно легко перекрывалась иными культурными влияниями: например, романизацией. А вот римляне сумели создать устойчивый античный гумус во всех покоренных ими варварских провинциях. Не было в римской цивилизации эллинской утонченности, но было что-то такое, что пускало глубокие корни, усваивалось «по полной программе» и уже не уходило никогда. Новоевропейская либеральная демократия строилась под масштаб национального государства, ибо формирующиеся национальные государства Западной Европы и были, собственно, ее родительским лоном.

И как афинская демократия оказалась неадекватной новому масштабу интегративных связей, так и современная неолиберальная демократия разваливается под натиском глобальных процессов. Для Европы это очевидный тупик, из которого не выйти, радикально не изменившись. А меняться Европа не хочет, да и вряд ли может. А вот США оказываются в чем-то похожими на Рим. Идеология неолиберализма преобразована в своего рода идеократию, которая на фоне угасания традиционных для США демократических традиций все более приобретает черты имперской парадигмы. То есть с борьбой за сохранение демократических ценностей дело обстоит по формулам «пусть заткнутся те, кто говорит, что у нас нет свободы слова!» и «все можно, кроме того, что нельзя». Сколь бы велики ни были подозрения, что лекарство в данном случае (как, впрочем, и во многих других) окажется хуже болезни, но в условиях глобализации только имперский идеократический двигатель, как это ни парадоксально, способен обеспечить демократическим ценностям и традициям относительную жизнеспособность. И США с этой ролью в целом справляются. Между прочим, опыт неолиберальной цивилизации мировое сообщество усваивает по преимуществу в американской версии. От европейских колонизаторов, как когда-то от греческих, остались величественные, но мертвые следы (есть, конечно, исключения). А вот все что связано с модернизацией (вестернизацией) так или иначе, выводит на *американизацию*.

Неудивительно поэтому, что США становятся империей нового типа. Неолиберализм постиндустриальной эпохи и имперская идеократия — вещи, вроде бы, столь же несовместные, сколь свобода и рабство. Но если

учесть, что одним из эффективнейших способов самозащиты неолиберальной системы от внутренних трансформаций стало снятие противоречий посредством тотальной коммерциализации сознания, то ситуация видится уже не столь парадоксальной. Не хочется лишний раз описывать, каким образом в эпоху диффузно-дисперстного взаимопроникновения культур коммерциализация и консюмеризм становятся способами господства. Важно только отметить, что таким образом формируется имперское сознание нового типа, соответствующее закатной фазе логоцентрической макросистемы. И совершенно понятно, почему оно формируется именно в США, в этом «рае для маленького человека» (Ортега-и-Гассет), где особенно велико противоречие между полученными в готовом виде, без «балласта» европейского духовно-исторического опыта, личностными основаниями цивилизации и доличностными ориентациями массового человека.

Логоцентрический дуализм вновь избегает «окончательного» снятия, и все манипулятивные приемы культуры по-прежнему эффективны. В этом отношении интересно было бы проследить, как в современном неоимперском сознании складываются отношения между автотелью и культурной реальностью, как происходит удивительная и по-своему забавная регенерация Должного и как сознание раскалывается надвое между тем, что должно быть и тем, что есть на самом деле. (Кто видел, как затравленные политкорректностью американцы, опасливо озираясь, рассказывают по углам анекдоты про негров, тот поймет, о чем речь). Не менее забавно и почти что средневековое непонимание *другого*. И вправду, чудно выглядит империя, реанимирующая, с одной стороны, средневековые модели Должного, а с другой — любого субъекта почитающая за идеологически сконструированную личность неолиберальной цивилизации и стремящаяся распространить на всех свое господство посредством навязывания консьюмеристских ценностей.

Таков финал логоцентризма. По мере угасания логоцентристской макросистемы все более заметны предпосылки новых модельных центров. Возникнуть они могут, разумеется, в ареалах нового цивилизационного синтеза: прежде всего на основе евро-атлантической и дальневосточной цивилизаций. (Впрочем, понятие «центра» в современную эпоху уже не столь связано с географическим фактором.) Географически и культурно они изначально были разведены совсем уж далеко (прямые и устойчивые контакты между ними начались не ранее XVI в.). Как раз это условие для синтеза самое благоприятное. Цивилизации, сформировавшиеся на основе Восточного христианства и Ислама, в культурном отношении, напротив, наиболее близки. И мир традиционно ориентированного Исла-

ма, и сходящая с исторической сцены Россия могут создать центры логоцентрического противостояния и традиционалистского сопротивления (что будет иметь серьезные исторические последствия), но никак не новые модельные центры постлогоцентрической культурной системы.

Не углубляясь в прогностику — это, повторю, дело неблагоприятное — можно утверждать, что XXI в. в любом случае будет эпохой столкновения уходящего логоцентризма (по всей видимости, с традиционно ориентированным Исламом в авангарде) и становящейся неологоцентрической системы, представленной новыми модельными центрами. Именно это противостояние будет глубинной причиной конфликтов начавшегося века, и происходить они будут в режиме все более размытых фронтиров — не между обществами, а внутри их самих, вплоть до микросоциального уровня. В ходе этих конфликтов мир радикально изменится. Картину этих изменений едва ли можно представить, глядя из нынешнего дня. Но я имею смелость утверждать, что при самых глубоких и разрушительных трансформациях бинарный принцип структурирования смыслов, эксплицированный Дуалистической революцией, будет продолжать действовать и определять нелегкие субъект-субъектные отношения человека с Культурой.